

И. Г. СТАРИНОВ

Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта

<Фрагменты>

<...>

Партизанские действия начались с первых дней Великой Отечественной войны, вопреки историческому опыту и мобустановкам по подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии.

В своем обращении к советскому народу 3 июля 1941 года Сталин призвал и к партизанской войне в тылу врага...

<...> Постановка вопроса о методах партизанской войны в речи Сталина меня удивила. Во-первых, создавать в занятых противником районах партизанские отряды некому, не говоря уж о всех трудностях этого дела. Это следовало делать еще до оккупации территории. Во-вторых, партизаны не могут поджигать обозы и вступать в бои с частями вражеской армии. Ведь при боевом соприкосновении противник имеет возможность наращивать свои силы, получать во время боя подкрепления, тогда как партизаны, располагая весьма ограниченными ресурсами, этого делать не могут. Кроме того, ведь и оснащены вражеские войска, как правило, гораздо лучше партизан! Как необученные, слабо вооруженные люди (ведь эти партизанские отряды создавались бы на территории противника) могут сражаться с частями регулярной вражеской армии? Этот призыв Сталина нацеливал партизан на бесплодную партизанщину, а не на партизанскую войну с целью отрезать войска противника от источников их снабжения. В-третьих, призыв к поджогу лесов в тылу противника был вреден для партизан и полезен для гитлеровцев. Если бы кто-нибудь другой, сказал, что партизаны должны поджигать леса, то его, вне всякого сомнения, сочли бы провокатором или глупцом.

Это в первой четверти XX века партизаны обладали равно, а иногда даже и большей, маневренностью, чем наиболее мобильные части противника, например, кавалерия, и поэтому могли базироваться и совершать рейды на любой местности и в любое время года. Моторизация войск, насыщение их большим количеством скорострельного оружия, увеличение и усовершенствование авиации, создали резкое превосходство регулярных войск над партизанами в скорости передвижения и вооружении. Теперь наиболее благоприятной для партизан являлась та местность, которая была бы недоступна для моторизованных войск и имела обширные укрытия от авиации противника.

В отечественных условиях такой местностью, вне всякого сомнения, являлись леса, которые и были главной базой партизан. И эти собственные базы надо жечь?

Сталин явно не учитывал контрпартизанских мероприятий противника. Между тем, учитывая опыт минувших войн, особенно — опыт борьбы с партизанами в Испании в 1936–1939 годах немецкий Генеральный штаб еще до нападения на Польшу предусмотрел целую систему таких мероприятий. Были созданы специальные войска и органы для контрпартизанской борьбы, которые действовали по заранее разработанному плану. В ходе прошедших компаний гитлеровские каратели приобрели большой опыт, который позже использовали и на оккупированных территориях нашей страны.

Партизанские действия в тылу сильного, специально подготовленного к контрпартизанской борьбе противника требовали всесторонней подготовки партизанских сил и оптимального планирования их действий. Ничего подобного Сталиным в его выступлении не предусматривалось. Более того, в том же выступлении, он потребовал «при вынужденном отходе частей Красной Армии... не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба... Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть, безусловно, уничтожено».

<...> Дословное выполнение этих распоряжений привело бы только к резкому увеличению числа коллаборационистов, вызвало бы у местных жителей ненависть к Советской власти и армии, и толкнуло бы многих на службу противнику. После выступления Сталина усилилось скоропалительное формирование и перебро-

ска в тыл врага без должной подготовки партизанских, отрядов и диверсионных групп. Между тем не была даже сформулирована их основная задача: отрезать вражеские войска от источников их снабжения¹.

Какой же представлялась реальная партизанская тактика? Вне всякого сомнения, средства вооруженной борьбы влияют и на возможности, и на стратегию и тактику партизанской войны; об этом писал еще М. В. Фрунзе. В канун Второй мировой войны решающее влияние на партизанские действия имело появление многочисленной военной техники (танков, мотопехоты, авиации, радиосвязи).

С одной стороны, в результате этого партизаны, как уже упоминалось, утратили весьма существенное преимущество перед регулярными войсками в маневренности на местности, доступной для бронетанковых частей; авиация могла не только помогать войскам противника в обнаружении крупных отрядов партизан, но и непосредственно воздействовать на партизан; радиосвязь сделала часто бесполезным перерезание телефонных проводов перед нападением партизан на штабы, склады и другие объекты противника, снизила до минимума изоляцию отдельных подразделений врага от его главных сил.

Перевозимые автотранспортом и поездами войска и грузы, оказывались совершенно неспособными предотвратить взрывы мин, установленных на дорогах. Не допустить минирования путей сообщения может только очень сильная их охрана, применяющая технические средства защиты, однако, такая охрана, как правило, создается уже после начала массовых диверсий. Поэтому очень важно заминировать эти объекты минами различных типов до создания подобной сильной защиты.

Что касается автотранспорта, то еще в Испании было подтверждено, что не только железные дороги, но и автомобильные колонны, даже сопровождаемые танками, весьма уязвимы для партизан. Автоколонны не могли высылать боевого охранения, а целенаправленно охранять дороги у франкистов не хватало сил.

Нанеся огневой удар по колонне, партизаны ее «добивали», если это было им по силам, или уходили по той местности, где преследование было исключено. Применяя же управляемые мины для ударов по автомобильным колоннам, партизаны вообще могли оставаться незаметными и потому неуязвимыми.

Даже появление авиации во многих странах пошло на пользу партизанам. Если вражеская авиация и затрудняла действия

партизан, то собственная впервые в истории давала возможность снабжать партизанские формирования всем необходимым через голову противника, доставлять во вражеский тыл различные средства борьбы, инструкторов, специалистов и руководителей, эвакуировать раненых.

Еще больше помогло партизанам появление радио, поскольку оно давало возможность поддерживать надежную связь со своими органами руководства и немедленно передавать разведанные о противнике.

Технический прогресс дал партизанам возможность выводить из строя автомобильный и особенно железнодорожный транспорт, воздействовать на линии коммуникации противника, уничтожать его войска во время перевозок, не вступая в боевое соприкосновение. Но для этого было необходимо обеспечить снабжение партизан специальными минами и взрывчатыми веществами (ВВ). Партизаны не могли решить задачу по закрытию ночного и дневного движения на железнодорожных магистралях и автомобильных дорогах, как требовал Сталин, за счет трофеев и подобранных на полях сражений боеприпасов и оружия. Специальные мины обычно не валяются на земле, а что до трофеев, то следует заметить, что у партизан гораздо меньше возможностей брать трофеи, чем у регулярных войск. Этого Сталин явно не понимал. Подобная установка не была вынужденной мерой. Забежим вперед. Когда возможности, по снабжению партизан возросли, 18 августа 1942 года, начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. К. Пономаренко, после очередного разговора со Сталиным, дал радиogramму ряду командиров партизанских формирований. В этой телеграмме их ориентировали на снабжение за счет трофеев, указывая, что «снабжение партизан из центра», якобы, «не только затруднительно, но и может привести к отсиживанию».

Все описанные выше технические средства и возможности, весь накопленный в Испании опыт, можно и нужно было использовать для защиты своей страны, а не руководствоваться застывшими на уровне Гражданской войны взглядами о партизанской деятельности и сталинскими призывами вроде «сожжения лесов».

13 июля 1941 года приказом наркома обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко я был по совместительству назначен начальником Оперативно-учебного центра (ОУЦ) Западного фронта, в задачу которого входили самая минимальная подготовка партизанских отрядов и диверсионных групп, их материальное

обеспечение и переброска в тыл противника. На все это отводилось не более семи суток. Замечу, что в 30-е годы будущих партизан, имевших не менее годичной общевоинской подготовки, обучали аж в течении от трех до шести месяцев.

Подготавливаемые нами партизанские формирования остро нуждались в средствах радиосвязи, специальных минах, вооружении и боеприпасах. Кое-что мы с трудом добывали, надеясь, что скоро будет создано командование партизанскими силами, которое займется планированием и обеспечением партизанских действий.

Только через месяц после начала войны, 18 июля 1941 года, появилось постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». Однако и оно не внесло ясности. В нем не было сказано ни слова о подготовке партизанских формирований, об организации связи и снабжения, о привлечении к партизанской борьбе военнослужащих, которые в силу сложившейся обстановки оказались в тылу противника и не смогли пробиться к основным силам Красной Армии. И в этом постановлении не ставилась задача отрезать вражеские войска от источников их снабжения.

А главное, вместо хорошо отработанной в начале 30-х годов и проверенной в Испании системы управления партизанскими силами предлагалось «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». Это была явно невыполнимая установка, приведшая к гибели многих мужественных коммунистов. Она противоречила опыту партизанской войны в Китае и Испании, а вскоре была опровергнута и отечественной практикой. Кроме того, такой сети большевистских подпольных организаций для руководства борьбой в тылу противника попросту не было, и она не могла быть создана даже за год. Дело в том, что гитлеровцы предусмотрели мероприятия по борьбе с партийным и боевым партизанским подпольем. Все граждане СССР, переменившие место жительства после 22 июня 1941 года, брались ими на учет или даже сразу подвергались репрессиям.

Наспех организованное подполье из людей, которые были известны, как коммунисты и тем более руководители партийных организаций, оказалось весьма уязвимо и подпольщики в большинстве случаев погибали, если не выходили в расположение партизанских формирований (секретари подпольных обкомов и райкомов ВКП(б) превращались, как правило, в командиров и комиссаров этих боевых единиц).

Еще опыт учений в начале 30-х годов убедительно показал, что при ведении полномасштабной партизанской войны невозможно обойтись без оперативно-военных органов руководства партизанскими силами с мощными радиоузлами.

Июльское постановление ЦК ВКП(б) так же не приостановило поспешного формирования и массовой переброски во вражеский тыл плохо подготовленных, слабо вооруженных и почти не экипированных надежными средствами радиосвязи партизанских отрядов. Партизанская война советских патриотов, как выразился Герой Советского Союза М. И. Наумов, «велась не только неумело, но и бесхозяйственно, можно сказать, безнадзорно». Помимо этого беда первых партизанских отрядов и формирований коренилась и в том, что их использовали в прифронтовой полосе противника. «...Необученные, неоснащенные по-фронтовому, вообще не приспособленные ни в каком отношении к позиционному образу действий, партизаны зачастую гибли, не принося противнику существенного вреда, не разрушая его коммуникации. И там только укреплялись, пользуясь тишиной, административные органы оккупантов».

И, тем не менее, даже при подобных, наихудших из всех возможных обстоятельствах, при громадных потерях и низкой эффективности, действия партизан были весьма чувствительны для вермахта и заметны далеким союзникам. «За линиями немецких фронтов, — писал У. Черчилль, — появились партизаны, которые повели жестокую войну против немцев, нарушая их коммуникации. Захваченная противником русская железнодорожная сеть оказалась непригодной». При достаточно сильном преувеличении, эти слова служат напоминанием о тех гигантских потенциальных возможностях, которые таятся даже в плохо подготовленной и неумело ведущейся партизанской войне.

<...>

Уже в июле 1941 участники партизанской войны в тылу фашистских интервентов и мятежников в Испании внесли предложение прекратить переброску в тыл противника партизанских формирований, не имевших должной подготовки, перенести упор на формирование специальных частей из тщательно обученных людей для заброски их в тыл фашистским захватчикам с целью отрезать вражеские войска на фронте от источников их снабжения.

Дай Сталин такое указание, можно было бы в короткий срок вывести из строя растянутые коммуникации противника, проходящие через районы, весьма благоприятные для партизанских

действий. Однако, несмотря на многочисленные предложения, этого он не сделал.

Тем не менее идеи более эффективной организации партизанской войны у меня, например, не выходили из головы. Однажды я поделился своими соображениями с секретарем ЦК КП(б) У Н. С. Хрущевым, который осенью 1941 года являлся одновременно членом Военного совета Юго-Западного фронта. Как оказалось, Хрущев был готов к такому разговору: в свое время нечто подобное предлагал ему М. К. Кочегаров — бывший начальник одной из партизанских школ в Киеве и участник войны в Испании. Хрущев ознакомил с моими соображениями Военный совет фронта и по его рекомендации направил их Сталину в виде документа, подписанного мной и генералом Невским. Со своей стороны Хрущев написал Сталину личное письмо, в котором просил его принять меня для беседы по этому вопросу.

В декабре 1941 я уже сидел в приемной Сталина, но он меня не принял и направил к Л. Мехлису. Едва я начал излагать основные положения, Мехлис резко прервал меня:

— Не о том говорите! Не это сейчас нужно. — Он сделал паузу и с ироническим восклицанием:

— Глубокий вражеский тыл, коммуникации! Вы что, с неба упали? Не знаете, что враг стоит под самой Москвой?! Надо учитывать, что наступила зима, и необходимо полностью использовать те преимущества, которые она дает! Нужно заморозить гитлеровцев! Все леса, все дома, все строения, где может укрыться от холода враг, должны быть сожжены! Это вам понятно?

Я осторожно заметил, что леса зимой не горят и что они — база для партизан. А если жечь деревни — лишатся крова наши же люди.

Возражение лишь подлило масла в огонь. Мехлис обозвал меня и Невского горе-теоретиками и слепцами. Он потребовал превратить Подмосковье в снежную пустыню: куда бы ни сунулся враг, он должен наткнуться только на стужу и пепелища².

При возвращении во второй дом НКО, где я остановился, я снова вспомнил только что услышанные слова Мехлиса и пришел в ужас. У меня на лбу даже выступил пот... Ведь в речи 3 июля 1941 года Сталин призывал поджигать леса в тылу врага...

На следующий день я по ВЧ доложил Хрущеву о том, что вместо Сталина меня принял Мехлис, и о том, как он отреагировал на наше с Невским предложение.

— Товарищ Сталин очень занят, — сказал дипломатично Никита Сергеевич, — но я позвоню товарищу Вознесенскому.

И действительно, несколько дней спустя начальника инженерных войск Красной Армии генерал-майора Л. З. Котляра и меня пригласили к председателю Госплана Н. А. Вознесенскому. С собой предлагалось захватить образцы замыкателей и взрывателей, о которых шла речь в докладе на имя Сталина.

Вознесенский был улыбчив и выглядел очень молодо. Предложил сесть, сам опустился на стул последним. После обстоятельной беседы были определены потребности в специальных неизвлекаемых противопоездных минах замедленного действия. Уже весной 1942 года они начали поступать в войска в значительном количестве.

<...>

Причину огромных потерь, которые несли партизаны, а также малую эффективность партизанской войны в 1941–42 годах я вижу в следующих ошибках:

1. Стратегические ошибки военного руководства, в результате которых Отечественная война была растянута почти на пять лет.

2. Репрессии, уничтожившие опытные, хорошо подготовленные кадры и ликвидация необходимых мероприятий на случай вражеской агрессии за 3–4 года до войны.

3. Руководство военными действиями партизан было доверено человеку, не имеющему ни военной, ни специальной подготовки.

4. В тыл врага забрасывали неподготовленные формирования.

5. Перед партизанами ставились непосильные задачи, которые могли решаться только боевыми столкновениями, что в принципе неправильно.

6. Отсутствовало планирование действий партизанских сил, что связано с некомпетентностью руководителей штабов партизанского движения.

Остановимся на этих ошибках подробнее.

Ошибки военного руководства при определении задач партизанской войны.

Все допущенные стратегические ошибки были результатом забвения положений, сформулированных М. В. Фрунзе.

***Первая ошибка — подмена военной организации
партийными органами***

18 июля 1941 года руководство партизанской борьбой было возложено на партийные органы, а в тылу врага на подпольные парторганы. Эта большая стратегическая ошибка привела к отстранению Генерального Штаба от руководства партизанской войной в тылу врага, к большим потерям в первый год войны.

Сталин не различал понятия деятельности КПСС по руководству партизанским движением и руководства войной в тылу Вермахта. Отсюда отсутствие единого целенаправленного руководства войной в тылу фашистов. ЦК ВКП(б), вопреки всем установкам при довоенной подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии, взяло на себя и возложило на местные парторганы несвойственные им функции военного руководства войной в тылу врага...

<...> В начале Великой Отечественной войны военные советы фронтов, ЦК КП(б) У и ЦК КП(б) Б, обкомы ряда оккупированных областей обращались в ЦК ВКП(б) и лично к Сталину с предложениями о создании военно-оперативного органа для руководства борьбой в тылу врага. Но Сталин в этом вопросе решительности не проявлял.

На какое-то время было создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп в составе Наркомата обороны, но оно ничем особым себя не проявило и в декабре 1941 года было упразднено.

***Вторая ошибка — отсутствие заблаговременной
подготовки войск к партизанской войне***

Забвение положений М. В. Фрунзе о подготовке войск к партизанским действиям и ликвидация мероприятий по заблаговременной подготовке к партизанской войне, привели к тому, что, казалось бы, при благоприятных условиях для ведения партизанской борьбы около четырех миллионов советских воинов, оказавшись в силу сложившейся обстановки в тылу противника, попали в плен³.

Третья ошибка — политика «Гони немца на мороз».

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К Вам я обращаюсь, друзья мои!» — так начал 3 июля

1941 года на одиннадцатый день войны свое выступление, пришедший в себя Сталин. И тут потребовал от «друзей», подвергшихся агрессии фашистов, «при вынужденном отходе частей Красной Армии... не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба... Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожено».

Этим самым Сталин думал затруднить гитлеровским войскам продвижение вглубь страны. Но в действительности это требование вождя очень помогло именно оккупантам, даже учитывая, что оно было выполнено не полностью. Сталин знал, что так делали финны при отходе их войск во время советско-финской войны в 1939–40 годах, но Сталин не принял во внимание, что темпы наступления войск Красной Армии были малыми и противник успевал не только угонять скот, но и эвакуировать население с территории, находившейся под угрозой оккупации. Больше того, финны при отходе сожгли в оставляемых ими населенных пунктах все, что могли и заминировали минами замедленного действия часть уцелевших зданий. Зима была холодной, и после ряда взрывов мин в уцелевших зданиях, наши войска их уже боялись занимать.

Опустошая при отходе оставляемую территорию, финны не могли надеяться на возвращение оставляемых земель. Опустошение территории при отходе командование финляндской армии дополняло действиями их партизанских снайперов и различного рода минами. Все это составляло значительные трудности для Красной Армии.

Другое дело с положением на территории, оставляемой Красной Армией. Значительная часть советской земли была занята фашистскими оккупантами без какой-либо эвакуации даже весьма важных предприятий. Вскоре после вражеского вторжения началась эвакуация оборудования промышленных предприятий, сельхозтехники, колхозного скота. Рабочие и инженерно-технический персонал эвакуировался вместе с оборудованием на Восток. Очень мало эвакуировалось железнодорожников и оставались на месте колхозники.

Вместо того, чтобы продукты питания, и прежде всего зерно, раздать населению, Сталин требовал уничтожать, что не может быть вывезено при отходе войск. Тем самым «любимый вождь

народа» обрекал на голодную смерть население на оставляемой территории.

Если бы требование Сталина было выполнено, то во время оккупации вымерло бы почти все население левобережных областей Украины и оккупированных территорий России.

***Четвертая ошибка —
задача отсечь врага от источника снабжения
не ставилась***

В годы Великой Отечественной войны резко повысилась зависимость войск на фронте от источников ее обеспечения. Насыщение армий большим количеством артиллерии, бронетехники и скорострельного оружия сделало войска зависимыми от бесперебойного их снабжения большим количеством боеприпасов — горюче-смазочных материалов (ГСМ). Миллионная армия нуждалась и в большом количестве продовольствия.

Следовательно, в Великой Отечественной войне повысилась роль транспорта, который должен был доставлять войскам на фронте все необходимое для боя и жизни. Основными видами транспорта в минувшей войне были железнодорожный, который обеспечивал подвоз всего необходимого войскам от источников снабжения до войсковых баз, и автомобильный, который доставлял все необходимое войскам со станций снабжения. В аварийной обстановке, когда наземный транспорт не мог доставлять грузы войскам, например, в окружении, войска снабжались по воздуху. Но снабжение по воздуху в годы Великой Отечественной войны было в относительно небольших размерах и могло осуществляться только при господстве в воздухе. Как правило, снабжение окруженных войск по воздуху сопровождалось большими потерями авиации, и было кратковременным.

В Великой Отечественной войне, когда войска фашистов вторглись глубоко на территорию страны, их положение могло оказаться хуже войск Наполеона, которые заняли Москву. Почему? Да потому, что железнодорожный транспорт был более уязвим, чем гужевой времен Наполеона. Воздействие на гужевой транспорт партизаны могли оказывать только засадами, разрушением мостов, а сами дороги были малоуязвимы. Сильно охраняемые обозы могли уничтожаться или даже захватываться только в результате боевого столкновения.

<...> Партизаны, не жалея сил, проявляя отвагу и мужество, инициативу и выносливость, не смогли полностью закрыть пути подвоза вермахта на оккупированной им советской территории и тем поставить его войска на фронте перед катастрофой.

Отчасти в результате неверной стратегии Отечественная война была растянута на пять лет.

Ликвидация мероприятий, осуществленных ранее на случай вражеской агрессии

Репрессии, уничтожившие опытные, хорошо подготовленные кадры и ликвидация мероприятий, осуществленных ранее на случай вражеской агрессии за 3–4 года до войны явились основной катастрофической ошибкой, допущенной в ходе подготовки к войне...

<...> Не будь у нас репрессировано тысячи опытных, хорошо подготовленных специалистов, с первых дней войны в тылу врага начали бы действовать сотни отрядов, подобных отрядам С. А. Ковпака, Г. М. Линькова, Ф. Д. Гнездилова и других, и к ноябрю 1941 года войска Вермахта на фронте были бы надежно отрезаны от источников их снабжения. Не секрет, что в первый год войны в тылу противника не погиб ни один партизанский отряд под командованием опытных или хорошо подготовленных командиров. Больше того, эти отряды за первый год значительно выросли и нанесли противнику заметный урон. Большинство опытных и хорошо подготовленных командиров провоевали всю войну в тылу врага, нанесли ему большой урон, из командиров групп и небольших отрядов они превратились в командиров партизанских бригад, дивизий и так называемых партизанских соединений...

Некомпетентность руководства партизанами.

Руководство военными действиями партизан было доверено человеку, не имеющему ни военной и ни специальной подготовки.

Сталин так до конца не понял значения и возможностей партизанской войны в тылу врага. Верховный, как и занимавшийся вопросами партизанской борьбы в тылу Вермахта начальник главного Управления формирований Е. А. Щаденко и экс-нарком Обороны К. Ворошилов своевременно не учли изменений и возможностей партизан по сравнению с их возможностями в гражданской войны.

В годы гражданской войны партизаны решали свои задачи по борьбе с врагом внезапными налетами и засадами, обладая

большей маневренностью, чем их противник. Перед налетом на вражеские гарнизоны партизаны, обрывая проводную связь, как бы изолировали их от внешнего мира, и подвергшиеся нападению не могли получить поддержки.

Двухчасовая беседа Сталина с Пономаренко в декабре 1941 года закончилась тем, что Верховный Главнокомандующий поручил ему немедленно приступить к организации Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования и возглавить этот штаб.

Как кадровый политработник П. К. Пономаренко стал подбирать кадры руководящих работников штаба «из числа уже зарекомендовавших себя при организации партизанских отрядов работников партийных органов, политработников Красной Армии и пограничных войск, а также необходимых специалистов по радиосвязи, минно-подрывному делу, разведке и т. п. Эта важная задача решалась при помощи ЦК ВКП(б) и партийных органов республик и областей». Так было и на самом деле. Такой подбор кадров ЦШПД привел к тому, что он не мог обеспечить оптимальное планирование операций партизанских сил. Планы операций, разрабатываемые ЦШПД и подчиненными ему штабами партизанского движения, не были планами организованных военных действий, а скорее напоминали постановления парторганов по проведению посевных и уборочных работ. У политработников, не проходивших специальной партизанской подготовки (имевших такую подготовку политработников уже не осталось — они были давно репрессированы), ни опыта, ни знаний для руководства действиями партизанских сил не было.

Печально, но факт — П. К. Пономаренко был таким сталинской закалки партократором, который считал, что он все знает и все умеет. Что особенно негативно сказалось на эффективности партизанской войны в тылу Вермахта — это его неуклонное выполнение явно ошибочных указаний «великого вождя», отсутствие у него знаний по военному искусству, а отсюда недооценка необходимости солидной специальной партизанской подготовки командиров и руководителей для войны в тылу врага.

Больше того, спустя несколько лет после Великой победы Пономаренко, утверждал, что жесткое централизованное планирование действий партизан вредно. Пока план будет доведен до исполнителя, противник может уже исчезнуть. Но основные объекты действия партизан — железные и автомобильные дороги,

линии связи противнику наиболее трудно защищать, а партизаны с минимальными потерями или даже вовсе без потерь смогут выводить их из строя именно при оптимальном планировании. Только при планировании действий партизанских сил можно заставить противника перейти к обороне.

В беседе со Сталиным П. К. Пономаренко предлагал от длительной подготовки одиночек или групп классиков-диверсантов перейти к широко организованной планомерной массовой диверсионной работе, решительно искореняя кустарщину, разобщенность.

Опыт же убедительно доказывал, что именно отлично подготовленные диверсанты наносили врагу больший урон и, как правило, без потерь со своей стороны. Бывший начальник ЦШПД так и не понял значение массовой подготовки классиков-диверсантов. Больше того, он не понимал, что самые отличные специалисты минно-подрывного дела могут быть очень посредственными диверсантами, если они не поймут, что диверсии в тылу врага по их осуществлению сильно отличаются от минно-подрывных работ, проводимых при отходе своих войск.

Мне известны десятки классиков-диверсантов из подрывников инженерных войск, которые только после специальной подготовки стали отличными диверсантами. Известно и другое. Подрывник с большим стажем работы в штабе инженерных войск Красной Армии, не имея специальной партизанской подготовки и не побывавший в тылу врага, внес предложение о подрыве рельсов 100-граммовыми толовыми шашками. Начальник ЦШПД, после проверки на полигоне под Москвой, подписал инструкцию и заказал огромное количество этих шашек, а оказалось, что в тылу противника, где совсем другие условия, партизаны не всегда могли обеспечить плотное прилегание шашки к головке рельса и нужную присыпку, в результате часто после взрыва 100-граммовой шашки головка рельса оставалась целой и, больше того, иногда на рельсе были только трещины или даже пятна. И «бесшумно» были даны указания о подрыве рельсов 200-граммовыми шашками.

В письмах, в том числе и автора этих строк, было предложение о создании специальных диверсионных бригад для ударов по коммуникациям противника. На эти предложения в 1941 году Сталин не отреагировал. К тому времени опыт показал, что борьба с частями вражеской армии сводилась, в основном, к крушению поездов, подрыву автомашин и бронетехники минами и только при благоприятных условиях — нанесению урона противнику дей-

ствиями из засад. Бои партизан с частями Вермахта в его тылу для партизан сопряжены с большими потерями, чем бои с на фронте. В своем тылу враг в ходе боя может наращивать усилия, бесперебойно обеспечивая боеприпасами. У партизанских полков, которые были созданы для борьбы с частями врага в его тылу, этих условий не было. Поэтому 2 украинских и 6 ленинградских партизанских полков, вступив в боевое столкновение с оккупантами, несмотря на героизм личного состава, были разгромлены.

Выполняя поручение Верховного Главнокомандующего, начальник ЦШПД развернул бурную деятельность, в первую очередь по организации, связи с партизанскими формированиями, действующими в тылу врага. Быстро был создан мощный центральный приемо-передаточный радиоузел, развернута радиошкола.

Когда работа по созданию штабов партизанского движения была проведена и все намеченные мероприятия шли нарастающими темпами, неожиданно в конце января 1942 года Верховный распорядился ликвидировать созданный ЦШПД. Встал вопрос как быть с уже созданными органами, школами, в том числе с радиошколой. П. К. Пономаренко нашел выход — центральная радиошкола была передана на бюджет Совнаркома Белоруссии.

Скрытые действия — основа тактики партизан

Перед партизанам ставились непосильные задачи, которые могли решаться только боевыми столкновениями, что в принципе неправильно. Если все потери партизан принять за 100%, то окажется, что более 90% потерь они несли в открытых боях.

Скрытые действия и умелая конспирация успешно применялись партизанскими силами на временно оккупированной территории. И именно скрытые действия партизан, как признают даже наши противники, не давали возможности врагу чувствовать себя в безопасности на оккупированной территории.

Если весь урон, нанесенный партизанами противнику, принять за 100%, то окажется, что даже по материалам штабов партизанского движения, более 85% в живой силе и более 95% в материальных средствах был нанесен скрытными действиями партизан. При применении минных средств, не вступая в бой с противником и рациональном планировании операций, соотношение потерь было до 1 к 250 в пользу партизан, при открытых

(особенно, затяжных боях) потери партизан были больше потерь противника. Для партизан открытый бой — самый невыгодный вид деятельности.

Партизанские формирования часто базировались именно вблизи вражеских гарнизонов и самых больших городов. Например, партизаны в Испании базировались длительное время всего в 2 км от сильного гарнизона, охранявшего крупную гидроэлектростанцию, располагавшуюся недалеко от Кордовы, Гренады, где были крупные гарнизоны. Советские партизаны базировались вблизи больших гарнизонов под Брянском, Минском, Витебском, Пинском, Оршей, Гомелем, Киевом, Ровно, Нежином, Черниговым, в городах Одессе, Киеве, Харькове, Минске. В Париже находились крупные силы партизан, освободившие город от оккупантов раньше, чем туда пришли войска союзников.

Если бы в начальный период войны советские партизаны вели только открытые боевые действия и опирались на силу оружия, а не умели бы конспирироваться и вести скрытые действия, то сотни диверсионных, организаторских, да и других малочисленных групп погибли, не нанеся врагу существенного урона. Так, если бы К. С. Заслонов со своей малочисленной группой начал бы с открытых боевых действий, то он не нанес бы врагу огромного урона с помощью «угольных мин» (и без потерь со своей стороны). Так было и с другими Героями Советского Союза Г. М. Линьковым, В. М. Яремчуком, А. М. Грабчаком, А. И. Ижукиным и многими другими. Так было и с дважды Героями Советского Союза С. А. Ковпаком и А. Ф. Федоровым.

Заметим, что уже в июле 1942 года советские партизаны занимали в тылу противника целые районы и «края», общий периметр которых в 2–2,5 раза превышал протяженность советско-германского фронта, численность вооруженных партизан была в 50 раз меньше численности Красной Армии, а по вооружению партизаны не могли идти ни в какое сравнение с регулярными войсками Красной Армии. Летом у противника появились силы для того, чтобы начать наступление на юге и выйти к Волге и на Северный Кавказ. В это время партизаны расширили свою территорию, так как основные силы противника были связаны сражениями с Красной Армией. Одновременно скрытыми действиями партизаны вынудили противника почти все силы, выделенные для контрпартизанской борьбы, бросить на оборону коммуникаций и на борьбу против партизан-подпольщиков в городах и других

удерживаемых оккупантами населенных пунктах. Значительные силы отвлекали рейдирующие отряды и соединения.

Партизанские отряды базировались на недоступной для тяжелой техники местности или конспиративно; не поддавались на провокации противника, и где это можно, избегали открытых боевых действий, старались действовать скрытно, использовали конспирацию и самое различное оружие. Особенно большой урон врагу партизаны нанесли специальными диверсионными средствами на путях сообщения, во время перевозок.

Фронт без командующего

Действия партизанских сил оптимально не планировались, что связано с некомпетентностью руководителей штабов партизанского движения.

Прошло семь месяцев как началась война. Враг оккупировал огромную территорию, а партизанская борьба в тылу врага развертывалась очень медленно, несмотря на патриотизм народа, на наличие большого количества желающих бить врага в его тылу. Перебрасывали тысячи слабо или вовсе неподготовленных добровольцев, и они, не имея связи, как бы исчезали на оккупированной территории.

В январе 1942 года в Белоруссии, где были исключительно благоприятные условия для партизанской войны, действовало всего 59 партизанских отрядов, при этом в пяти западных областях, фактически не было партизан до весны 1942 года⁴.

Считалось, что руководит партизанской борьбой в целом ЦК ВКП(б), но фактически подготовкой, переброской отрядов и групп в тыл противника занимались органы разведки Красной Армии, НКВД, политорганы, кое-где проявляли инициативу и инженерные войска. Бывало и так: одни насаждали в тылу врага агентуру, другие, того не ведая, ее уничтожали.

<...>

Между прочим, Сталин и Пономаренко называли партизан народными мстителями и часто призывали их к мести, что затрудняло достижение основной цели партизанской войны — закрыть подвозы оккупантов и тем самым оставить их войска на фронте без боеприпасов и ГСМ. Этого Пономаренко или не понимал, или не хотел понять, и однажды он высказал Верховному Главнокомандующему мысль о руководстве партизанским движением партией

и большей свободе действий партизанскому руководству, которому виднее в тылу врага где, когда и как выполнять поставленные задачи. Планы действий партизанских сил не должны связывать им руки составленными в штабах планами.

По существу начальник ЦШПД ратовал за такие партизанские действия, которые сводились к партизанщине.

Какие основания для такого решения были у Сталина. Успех партизанской войны мог вновь поднять авторитет опального маршала. Ликвидируя пост Главкома партизанским движением, Сталин по сути принимал на себя руководство партизанским движением как руководитель коммунистической партии и как Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами, а партизанские силы были нашим вторым фронтом. Сталин безусловно знал, что первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко не имел ни военного образования, ни специальной партизанской подготовки, но Верховный и сам не представлял о том, в какой подготовке нуждались командиры и специалисты партизанских формирований.

К сожалению Пантелеймон Кондратьевич сам, как истинный партократ, считал себя вождем партизанской борьбы, понимавшим значение и смысл организовать их вывод из строя партизанами. Однако, судя по его поведению и содержанию его послевоенных публикаций, начальник ЦШПД не изучал трудов признанных во всем мире практиков и теоретиков партизанской войны Д. Давыдова, генерала Голицына, Клембовского, Гершельмана и др. Явно не читал закрытых трудов Каратыгина и других, по которым готовили партизанские кадры до 1935 года.

<...>

Сталин в Великой Отечественной

20 июня 1941 года я был в штабе Белорусского военного округа и видел там подавленных офицеров, которых тревожило сосредоточение готовых к нападению войск Вермахта.

Начальник артиллерии военного округа генерал А. Н. Клич, с которым мы подружились в Испании, мне с горечью сказал: «Немцы явно готовятся к нападению, а нам приказали отправить на строительство ряд орудий, сосредоточенных на полигоне для учений. Докладывали в Москву. Отвечают: «Товарищ Сталин знает и говорит не поддавайтесь панике».

В приграничных военных округах вблизи от границы сосредоточено огромное количество боеприпасов, даже оружие и горюче-смазочный материал, которые не были по существу прикрыты войсками. Я встретил автомобильную колонну, которая шла в Белосток уже после того, как он был занят противником. При отходе наших войск я уничтожал запасы горючего, которые мы уже не могли использовать и тем более не было возможности их вывезти⁵.

Уничтожение продуктов при отходе, требование «гнать немца на мороз» поджогом населенных пунктов, в которых они размещались, много помогло оккупантам. Они вели пропаганду о том, что все это делается советской властью потому, что она уже не думает возвращаться, иначе зачем уничтожать то, что может сохраниться для использования при возвращении.

Больше того, требование об уничтожении невывезенного хлеба и угона колхозного скота способствовало привлечению на сторону врага людей, потерявших веру в победу Красной Армии, особенно родственников пострадавших в ходе репрессий при коллективизации.

История не знает такого массового использования населения и военнопленных в борьбе против своих войск, как это было в годы Великой Отечественной войны. Свыше миллиона двухсот тысяч советских людей почти всех национальностей участвовало в войне против своей Родины в полиции, а также в войсковых формированиях. Многие военнопленные шли в эти воинские формирования, создаваемые оккупантами, с целью вырваться из голодного плена и при первой возможности перейти на сторону партизан, как это сделала бригада под командованием Гиль-Радионова, которая, уничтожив бывших в ней оккупантов и матерых предателей, полностью перешла на сторону партизан, превратившись в 1-ую антифашистскую бригаду. Много полицейских, рискуя жизнью своих семей, также переходили на сторону партизан. Так в Белоруссии к партизанам перешло свыше 26 тысяч полицейских.

Оставшиеся без продуктов и других средств существования советские железнодорожники, чтобы не умереть с голода, вынуждены были работать на врага. Всего на временно оккупированной территории уже зимой 1941–42 года работало свыше 500 тысяч советских железнодорожников, которые восстанавливали и обеспечивали движение поездов. И только отдельные диверсанты, прошедшие спецподготовку, наносили существенный урон ок-

купантам. Особенно успешно действовала группа на железной дороге во главе с К. С. Заслоновым, А. Е. Андреевым. Но таких групп были единицы, да и связь с ними практически не поддерживалась. А если бы при отходе наших войск продовольствие, которое не могло быть эвакуировано, было бы роздано тем, кто в силу сложившейся обстановки оставался на оккупированной территории, было бы меньше тех, кто работал на врага.

Уничтожение зерна и других продуктов питания при отходе войск Красной Армии сильно затрудняло развертывание партизанской войны в тылу врага.

Картина могла быть куда хуже, если бы все требования Сталина выполнялись полностью. Тогда начался бы мор населения в тылу врага, что и нужно было оккупантам, и некому было бы нарушать работу вражеских коммуникаций противника. Так в основном партизаны могли питаться только за счет местного населения.

<...>

Готовя партизанские кадры в период войны, осуществляя проверку действий партизан, ликвидируя минные поля после войны, я смог оценить результативность многих партизанских операций, которые организовывал или о которых знал.

Я убедился, что начиная с 1943 против врага в полной мере действовал второй фронт — это были партизаны.

Традиционно ошибочно оценивают значение приказа Сталина № 227 о создании заградотрядов. Не они спасли положение⁶. Нет! Они только увеличили количество сдавшихся в плен. Не заградительные отряды, а отвага и мужество советских воинов обеспечили победу несмотря на ошибки и преступления Сталина. В ходе войны без больших потерь командиры и командующие получили нужный опыт.

Заметим, что Вермахт за годы войны с СССР потерял меньше офицеров и в основном младших и средних, чем наша Армия в 1937–38 годах в результате сталинских репрессий⁷.

<...>

Сталин в сентябре 1942 года в приказе «О задачах партизанского движения» писал: «Разгром германских армий может быть осуществлен только одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла... Народное партизанское движение на нашей территории, временно захваченной немецкими оккупантами, становится одним из решающих условий победы над врагом».

Слышите: только!

Слышите: одно из решающих условий победы над врагом!

В ноябре 1944 года Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин выступил с докладом: «27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Тогда же, 7 ноября 1944 года был издан приказ № 220.

В докладе и приказе отмечались великие победы Красной Армии и заслуги союзников в достижении огромных побед над фашистским Вермахтом. О помощи партизан войскам Красной Армии и союзников в достижении этих побед Сталин не сказал ни слова...

...О том, что Верховный в своем докладе и приказе не отметил заслуг советских партизан в победах над фашистами, партизанам было очень обидно. Я помню печальное и недоуменное выражение лиц бывалых партизан-диверсантов, которых поразило то обстоятельство, что Верховный забыл об их огромном вкладе и о том, что сам писал меньше двух лет тому назад.

Еще большее недоумение вызывало то обстоятельство, что перед партизанами не было поставлено никаких задач. А ведь в это время советские партизаны вели самостоятельную борьбу в тылу врага за пределами Советского Союза, в Польше, Чехословакии, Югославии, Венгрии и ряде других стран. Это не могло не привести к тому, что партизанские силы могли оказаться вне забот об их снабжении и судьбе.

И вот наступил долгожданный день, День Великой Победы. Великий праздник, великая радость — кончилась, наконец-то, война, временами казавшаяся бесконечной. И поздравляет народ с Победой сам Верховный Главнокомандующий. Он говорит о тех, кто ковал эту Победу, погибал на фронтах и работал для фронта.

Но ни слова о партизанах.

Так и пошло с тех пор по традиции: выступает 9 мая глава государства, говорит о Победе и тех, кто ее вырвал у врага — а о партизанах и диверсантах молчок. Будто и не было их... И в научных трудах, и в школьных учебниках о партизанской войне — несколько неопределенно: было что-то такое. Второстепенное...

<...> Как же так?

Анализ вклада партизан в Победу показывает, что, как минимум, 15% урона врагу было нанесено ими. Почему же, когда стали представлять к наградам, получилась такая штука?...

...Вовсе не получили никаких наград наши испанские друзья, воевавшие в тылу «голубой дивизии». Их десантировали так не-

умело, что сначала они оказались у нас в тылу. Хотели уж было закладывать мины, но обнаружили, что они в Вологодской области. Их подобрали и вновь выбросили в тыл врага — зимой, без лыж и продовольствия! Они, несмотря на чрезвычайно трудную ситуацию, провели ряд диверсий, но, в конце концов, были вынуждены вернуться.

Давайте спросим, почему партизан после Победы как-то забыли...

<...> Сталин хотел, чтобы его слава и авторитет в результате Победы увеличился. Но ведь хорошо известно, что чем сложнее задача, тем больше славы будет от ее решения. Чем выше гора, тем больше славы ее покорить. Чем сильнее армия противника — тем больше славы ее победителю. А победителей, как заметил писатель Георгий Владимов, при Сталине «у нас всего было два: один с адресом — «Москва, Кремль, товарищу Сталину», другой — «великий советский народ под водительством родной партии», и даже если не со всем здесь можно согласиться, тенденция того времени подмечена верно.

А теперь скажите, победа над каким Вермахтом приносила больше славы Красной Армии и Сталину, как Верховному Главнокомандующему — над измученным, разложенным партизанами, как то было на самом деле, или над неким могучим и доселе непобедимым. Когда советские войска форсировали Днепр и ряд других рек, переправы им предоставляли партизаны — но разве об этом говорится где-нибудь?

Если бы Сталин признал, что партизаны внесли свой вклад в исход войны, срывая снабжение армий Вермахта, разлагая их, представляя вражескую армию перед РККА ослабленной, то пришлось бы признать, что немецкая армия во время боев была не настолько сильной, насколько он хотел представить.

Без партизан больше славы доставалось Сталину, его генералам и Красной Армии, это было выгоднее с политической точки зрения — союзники быстрее шли на уступки. И партизан предпочли забыть.

Сегодня размышляя об этом, я думаю, что ответ на все вопросы кроется в известном высказывании Никколо Макиавелли: «Горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением или силой, а оба этих достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество достается».

<...>

Здесь мы сталкиваемся с достаточно важным вопросом, который, как мне известно, беспокоит многих. Его можно сформулировать следующим образом: если действия партизан часто приводили к истреблению гитлеровцами мирного населения, то насколько была оправдана их необходимость? Было бы глупо обойти этот вопрос, делая вид, что его не существует. Попробуем найти ответ.

Истребительная часть войны планировалась заранее. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные документы предвоенного периода. Так, 30 марта 1941 года на совещании высшего генералитета Вермахта Гитлер заявил, что в войне против СССР борьба будет вестись «на уничтожение», что это будет истребительная война в полном смысле этого слова. Такие документы, как «Генеральный план «Ост», «Инструкция об особых областях к директиве № 21», датированная 13 марта 1941 года, «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 года, «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращении с русскими» от 1 июня 1941 года и ряд других, возводили зверства по отношению к мирному населению в ранг государственной политики».

Я привел эту достаточно пространную цитату только для того, чтобы напомнить многим подзабывшим, что собирались делать гитлеровцы на захваченных территориях. Сейчас этот вопрос как-то обходят вниманием, сосредотачиваясь преимущественно на сталинских преступлениях. А это, в свою очередь, ведет к появлению в нашей стране неонацистских и откровенно фашистских группировок и организаций. «Что нам Гитлер, — говорят их идеологи, — когда Сталин репрессировал гораздо больше народу. И ничего, государство было сильным». Э, нет, дорогие мои. Во-первых, сталинские преступления непосредственно привели к сегодняшнему удручающему положению в стране; можно сказать, что сейчас взрываются мины замедленного действия, установленные Сталиным. Во-вторых, если посмотреть, сколько лет был у власти Сталин, и сколько — Гитлер, подсчитать их жертвы и провести простенькое арифметическое действие — поделить количество репрессированных на время, то мы увидим, что при Сталине не было и не могло быть такой вакханалии уничтожения людей, какая творилась в гитлеровской Германии и на оккупированных ею территориях. Сталин, разумеется, не был кротким ягненком, но до Гитлера он все-таки не дотягивает.

Истребление и угон на каторгу мирного населения гитлеровцами начался бы вне зависимости от действий партизан. Напротив, достаточно часто именно партизаны спасали советских людей от фашистских вояк. Другое дело, что иногда действия партизан действительно влекли за собой репрессий против населения. Однако такая реакция фашистов была характерна прежде всего для одиночных террористических актов против видных представителей оккупационной администрации. Это, вне всякого сомнения, было недопустимо. Только при проведении одновременных оптимально спланированных крупных партизанских операций противник терял всякую возможность вымещать свой гнев на беззащитном населении, поскольку был вынужден переходить к обороне.

И хотя партизанская война действительно способствовала большим потерям мирного населения, но эти жертвы, были оправданы спасением от уничтожения миллионов людей.

<...>

